

А.Ю. Ермолов

*к.и.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРАХА СССР В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Работа посвящена характеристике взглядов современных российских историков и экономистов на экономические проблемы позднего СССР. Как и современные зарубежные исследователи, российские учёные предложили ряд собственных интерпретаций экономических проблем позднего СССР, которые в чём-то пересекаются, а в чем-то противоречат друг другу. Всё это осложняется не прошедшими у постсоветских поколений травмами от распада СССР или же неожиданных для многих политических и экономических трансформаций, воспоминаниями о собственной причастности к событиям прошлого. В последнем случае научные работы могут служить не только поисками истины, но и самооправданию. У многих авторов присутствует сильно выраженная идеологическая позиция, явно влияющая на их исследования. Тем не менее в каждом исследовании можно найти полезные идеи. Их изучение помогает выявлению «структур когнитивности», формирующих объяснения прошлых событий. В данной статье рассматриваются взгляды отечественных историков, в первую очередь тех, кто изучает так называемую «современную историю».

Ключевые слова: *экономическая история СССР, распад СССР, плановая экономика, социализм, рыночные реформы, институты, элиты, бюрократия.*

JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_139_154.

В журнале «Вопросы теоретической экономики» уже выходили работы, посвящённые тому, что думают современные зарубежные ученые об экономических проблемах позднего СССР [Ермолов, 2020; Ермолов, 2021]. В них говорилось о новых концепциях на Западе, которые появились после того, как СССР распался. С одной стороны, его изучение стало в большей степени научной, чем идеологической проблемой, с другой стороны, появился доступ к большому числу новых источников, отражающих экономическое положение позднего СССР. Автор рассчитывал, что изучение этих концепций позволит увидеть «структуры когнитивности», формирующие объяснения прошлых событий. Логичным продолжением решения этой задачи стало изучение взглядов на эту же проблему современных российских ученых.

Данная работа и посвящена указанной выше теме. В ней анализируются взгляды на экономические проблемы СССР современных российских ученых. Понятно, что научных (и претендующих на научность) работ, так или иначе затрагивающих эту тематику, в России написано очень много, в силу этого неизбежно требовалась расстановка приоритетов. Автор, не забывая о необходимости осветить широко распространённые в научной среде взгляды, всё же стремился в первую очередь показать разнообразие взглядов и интерпретаций, в силу этого в статье будут встречаться малоизвестные исследователи, порой находящиеся в маргинальной позиции по отношению к историческому мейнстриму.

Для бывших граждан СССР тема всё ещё несет в себе сильную политическую заряженность. Многие из тех, кто сейчас работает в области современной российской истории, были непосредственными участниками событий, в силу чего их взгляды всегда можно подозревать в предвзятости. Можно ли на этом основании игнорировать предлагаемые ими концепции, тем более, что порой ими предлагаются интересные идеи? Очевидно, что любая выборка авторов в таких условиях будет в значительной степени авторским произволом, и за этот произвол я заранее приношу свои извинения.

Следует отметить, что большинство историков крайне настороженно относятся к возможности научного изучения так называемой «современной истории» (термин, явно близкий к оксюмору). Поскольку профессиональная специфика побуждает мыслить большими временными категориями, граница, за которой кончается «просто история» и начинается «современная история», лежит довольно далеко. Все согласны, что к современному периоду относится время Перестройки, большинство относит к нему и эпоху Брежнева, а некоторые — весь послевоенный СССР. Изучение «современной истории» не очень почётно, но зато может быть опасно для репутации учёного. В силу этого круг тех, кто решается что-то писать об этой теме, был до последнего времени довольно узким, и лишь в последние десять лет стал довольно активно пополняться молодыми исследователями.

Одним из пионеров «современной истории» в России является А.Б. Безбородов (директор Историко-Архивного института РГГУ, а с 2018 г. — ректор РГГУ), вокруг которого сложилась группа единомышленников, из которых следует отметить в первую очередь В.А. Шестакова (ученый секретарь ИРИ РАН в 2003–2016 гг.). Этой группой исследователей был написан ряд научных и учебно-методических работ об истории позднего СССР, которые можно считать «мейнстримом» сегодняшней исторической науки (с учётом поправки на то, что большинство историков всё ещё настороженно относится к возможности изучения истории этого периода). Вопрос об экономической эффективности эти авторы рассматривают с позиции принципиальной неэффективности существовавшего в СССР хозяйственного механизма, который был не способен реагировать на последствия научно-технической революции [Безбородов, Дробижева, Елисеева и др., 2007. С. 43]. Его успехи в предыдущие периоды объясняются жестокой эксплуатацией населения и природных ресурсов в ущерб будущим поколениям. Но потенциал развития за счет такой экономической модели был быстро исчерпан, после чего «в 1970-е — 1980-е годы нараставшее отставание от стран с рыночной экономикой переросло в системный кризис, обостривший социальные проблемы» [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 43]. В некоторых своих работах авторы высказываются более радикально, говоря об экономическом спаде, начавшемся в 1970-х гг. [Безбородов, Дробижева, Елисеева и др., 2007. С. 43]. К концу 1970-х годов в СССР прекратился рост благосостояния населения, а социальное неравенство, несмотря на декларации властей, охарактеризовано авторами как «вопиющее» [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 45]. Нельзя не обратить внимание на бросающийся в глаза факт, что для авторов этого направления существуют только развитые страны с рыночной экономикой, существование мировой капиталистической системы как сложных отношений между развитыми и неразвитыми странами ими игнорируется. Это оказывает влияние на их измерительную шкалу и с точки зрения экономического развития, и с точки зрения социального неравенства.

Огромное влияние на экономическое положение СССР оказывала чрезмерная милитаризация экономики [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 42], что объясняется тем, что советская экономика была направлена на поддержание существующей политической системы, а не на удовлетворение потребностей людей. По мнению В.А. Шестакова, треть занятых в промышленности СССР работало непосредственно на военные нужды (а сколько же в таком случае работало не непосредственно, а косвенно?). Искажённая и неэффективная структура народного хозяйства СССР привела к тому, что полученные на «узком фронте

военных технологий» достижения привели к деградации в остальных отраслях экономики. В то же время в развитых странах основным потребителем и производителем наукоёмкой продукции были гражданские отрасли промышленности. Следует отметить, что историки, исследовавшие военную промышленность позднего СССР, [Быстрова, 2006; Симонов, 1996] дают более низкие оценки доли военной промышленности в советской экономике, чем основанные на публицистике конца 1980-х годов оценки Безбородова и Шестакова. Например, общая стоимость произведённого вооружения и военной техники в 1961 г. оценивается в 6% от всей промышленной продукции [Симонов, 1996. С. 307], хотя цена у части военной продукции систематически занижалась до уровня ниже себестоимости (впрочем, у других видов военной продукции она, наоборот, могла сильно завышаться). Это не отмечает проблему негативного влияния военной промышленности на экономику СССР, но заставляет взглянуть на неё иначе. Главной проблемой было не чрезмерное производство военной техники, а то, что научно-технические достижения военной промышленности не стали в СССР стимулирующим фактором экономического развития, как это происходило в США.

Косыгинская реформа оценивается авторами этого направления двояко. С одной стороны, она была шагом в правильном направлении, в сторону децентрализации и применения, пусть и в ограниченном масштабе, элементов рыночной экономики. С другой стороны, она была обречена, поскольку не затрагивала основ командно-административной системы, сохраняя директивное планирование [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 50]. Реформа не носила комплексный характер, и в то же время покушалась на основы, в силу чего была враждебно воспринята большей частью элиты и «ушла в песок» [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 51–52].

Постепенно неэффективность социалистической системы становилась ясна и для интеллектуальной, и для политической элиты. Неудачные хаотичные попытки реформировать советскую экономику, предпринятые Н.С. Хрущевым, актуализировали поиск новых путей модернизации, «включая и выход из социализма» [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 48], а экономическая наука получила шанс вырваться за пределы марксистско-ленинских догматов. Стало возможным появление знаменитых статей Е.Г. Либермана, вокруг которых началась оживленная дискуссия. В ходе этой дискуссии многие статусные экономисты, например академик В.С. Немчинов, начали критиковать ключевые элементы советской экономической системы. Особую роль в эволюции взглядов научной элиты сыграла экономико-математическая школа (Л.В. Канторович, В.С. Немчинов, В.В. Новожилов). Начав с попытки построения теоретической модели оптимального планирования, они в конечном счете пришли к тому, что доказали его практическую и даже теоретическую неосуществимость, так как такое планирование не учитывает вероятностных процессов, присущих экономике, отвергает инициативу и предприимчивость на местах [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 48]. После остановки косыгинских реформ экономисты в основном занимались концепцией «совершенствования хозяйственного механизма», которая предполагала достижение оптимального сочетания плана и рынка при условии сохранения фундаментальных основ социалистической системы, но практика показала, что в этих рамках невозможно решить существующие экономические проблемы [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 53–54]. Требовались более радикальные подходы, в том числе реформа собственности.

Решающее значение имела позиция номенклатуры, которая стремилась к тому, чтобы получить возможность передавать власть и богатство по наследству. Как считают Безбородов и Шестаков, к началу 1980-х гг. «высшие государственные чиновники ... мечтали о праве собственности на предприятия» [Безбородов, Елисеева, Шестаков, 2010. С. 26]. При этом номенклатура уже провела первоначальное накопление капитала (за счёт хищений и взяток) и внутренне полностью отказалась от коммунистической идеологии. Если в 1930-е —

1940-е гг. бюрократию сдерживал страх репрессий, то в позднем СССР она уже добилась безопасности и самостоятельности (в этом ей помог механизм «бюрократического рынка», который позволял хозяйственной элите навязывать свои ведомственные и групповые интересы) и постепенно начала продвигать выгодную ей идеологическую конструкцию «социализма с человеческим лицом», которая нашла своё выражение в политике Перестройки.

Слабым местом этой части концепции Безбородова и Шестакова является использование как аксиом недоказанных гипотез. Должны ли мы на веру принимать предположения авторов о том, что было тайной мечтой высших советских чиновников? Сама по себе постановка вопроса о важности происходивших в среде элиты идеологических и ментальных трансформаций более чем оправдана, но нуждается в какой-то более сильной доказательной базе и новых исследовательских инструментах.

Другая попытка создать «большой нарратив» о «современной истории» России была предпринята преподавателем МГУ А.С. Барсенковым, к совместной работе с которым затем подключился А.И. Вдовин. Однако создать свой альтернативный центр изучения «современной истории» России им не удалось. В 2010 г. против них и написанного ими учебника развернулась широкая кампания критики в СМИ, в ходе которой Вдовина и Барсенкова обвиняли в сталинизме и антисемитизме (впрочем, критика касалась в основном той части их учебника, где они писали о раннем СССР), приведшая к осуждению их работ в Общественной палате РФ. В результате Барсенков значительно сократил свою публикационную активность и сузил поле деятельности до относительно безопасной темы внешней политики. Вдовин же продолжил публиковать свои работы, но без грифа МГУ.

А.С. Барсенков в своих первых работах больше внимания уделял политическим и идеологическим, а не экономическим вопросам. Он считал, что экономические проблемы были в первую очередь вызваны теми вызовами, которые возникли в результате начавшегося в странах Запада перехода к постиндустриальной стадии развития [Барсенков, 2002. С. 30]. На СССР этот переход влиял в первую очередь через необходимость вести гонку вооружений. Сформировавшаяся в СССР мобилизационная модель экономики не отвечала задаче перехода к постиндустриальному обществу, но руководство страны в 1960-70-е гг. не было готово от неё полностью отказаться, хотя мобилизационная модель уже начала разрушаться снизу [Барсенков, 2002. С. 42]. М.С. Горбачев начал хозяйственные реформы, но остановился там, где они могли привести к непопулярным последствиям (в частности, переход к рыночным ценам). В результате экономическое положение СССР ухудшалось, возможность относительно плавного перехода к рыночным реформам была утрачена [Барсенков, 2002. С. 104].

А.И. Вдовин в своих поздних работах уделяет экономическим проблемам больше внимания, пытаясь дать взвешенную и многостороннюю оценку экономическому положению страны. Прежде всего он отмечает, что «к началу перестройки СССР располагал мощной многоотраслевой экономикой, обеспеченной практически всеми видами сырья, кадрами учёных, инженеров, рабочих [Вдовин, 2022. С. 615]. Он обращает внимание на успехи экономики позднего СССР в разных областях, такие как развитие химической промышленности, рост жилищного строительства, создание новых крупных предприятий, освоение военной промышленностью новых образцов военной техники и т.д. Вместе с тем он отмечает наличие отставания СССР по уровню научно-технического развития от развитых стран, которое со временем не только не сокращалось, но и нарастало. Более того, именно экономические проблемы в сочетании с неспособностью руководителей страны провести нужные реформы стали основной причиной распада СССР [Вдовин, 2022. С. 687], оттеснив на второе место провал национальной политики, которая для Вдовина является излюбленной темой научного изучения.

Вдовин указывает на хорошо известный факт снижения темпов роста советской экономики, отмечая при этом, что темпы роста промышленного производства оставались

выше, чем у большинства развитых стран: США, Англии, ФРГ, Франции [Вдовин, 2022. С. 612]. У торможения экономического развития были объективные причины: сокращение притока трудовых ресурсов из-за изменения демографической ситуации, сдвиг сырьевой базы в восточные и северные районы, где их добыча велась в существенно более трудных условиях. С другой стороны, советское руководство в условиях роста цен на нефть на мировом рынке всё больше полагалось на экспортные доходы от её продажи, избегая перестройки экономических механизмов [Вдовин, 2022. С. 618]. Особенно серьёзные проблемы были в сельском хозяйстве. Характерные для нашей страны неблагоприятные климатические условия соединились с неблагоприятной тенденцией, вызванной снижением удельного веса трудоспособного населения, а вложения в социальную инфраструктуру оказались недостаточными для того, чтобы это снижение купировать. Большим просчетом было недостаточное внимание к развитию современных технологий, в первую очередь электроники. Приоритеты у советского руководства были ошибочными, о чем свидетельствует сокращение расходов на электронную промышленность ради проведения Олимпиады 1980 г. И, разумеется, тяжёлым бременем оставалась гонка вооружений, которую вынужден был вести Советский Союз. Советское руководство вынуждено было для этих целей содержать развитую военную промышленность, которая росла опережающими темпами. На её интересы работала и значительная часть машиностроительных заводов (автор в то же время отмечает, что в объёмах производства предприятий ВПК значительную часть составляла мирная продукция). Эта необходимость препятствовала интенсификации гражданского производства, вынуждала мириться с нерациональным расходом сырья и энергии. Что особенно важно, крен в сторону военной промышленности препятствовал экономическим реформам, толкая в сторону директивных методов управления [Вдовин, 2022. С. 592].

Впрочем, главную проблему Вдовин, похоже, видит не в экономической, а в политической сфере. По его мнению, накопленный экономический потенциал позволял вести поиск оптимальных путей переустройства экономики «без коренной перетряски жизни советских народов», но руководству страны эта задача оказалась не по силам. Высокую оценку автор даёт косыгинской реформе, которая обеспечила высокие темпы роста экономики в 8-й пятилетке. Сутью реформы автор считает дополнение партийно-административных рычагов управления народным хозяйством элементами рыночной экономики. Реформа была бы возвратом к системе, существовавшей во времена НЭП, но без частных предприятий [Вдовин, 2022. С. 581]. К несчастью, реализация реформы была быстро свёрнута, и сделано это было, как считает автор, по политическим причинам. Заложенное в этой реформе расширение демократии и самостоятельности трудовых коллективов было воспринято консервативной частью руководства страны как угроза [Вдовин, 2022. С. 585]. Особое влияние оказали события Пражской весны, продемонстрировавшие потенциальную опасность реформ. А.Н. Косыгин мог бы попытаться переломить ситуацию, если бы решился начать борьбу за власть против Л.И. Брежнева и окружавших его консерваторов, но вследствие своего негативного жизненного опыта (Косыгин чудом избежал расправы во время «Ленинградского дела») предпочитал воздерживаться от политики, ограничивая свою деятельность чисто хозяйственными вопросами. Впрочем, в том, что реформа сошла в 1970-е гг. на нет, внесли свой вклад и её собственные слабости. Преувеличенное внимание к прибыли привело к тому, что многие предприятия стали повышать её не только за счет совершенствования производства, но и искусственного завышения цены или же использования некачественных материалов. Реформа могла бы иметь успех только в случае коренных изменений в организации производства, то есть полного отказа от командно-распределительной системы [Вдовин, 2022. С. 588].

Ссылаясь на подготовленный в 1979 г. доклад академика В.А. Кириллина, Вдовин считает, что негативная ситуация, сложившаяся в экономике в конце 1970-х гг., не могла

быть преодолена без «радикальных структурных реформ, так или иначе связанных с расширением роли элементов рыночных отношений в экономике» [Вдовин, 2022. С. 616]. Но вместо этого руководство страны продолжило двигаться «в привычном русле замещения экономических рычагов административными» [Вдовин, 2022. С. 617], пытаясь совершенствовать механизмы планирования и отраслевой структуры управления. Что же касается попыток подтолкнуть экономику в сторону автоматизации и механизации, то они не приносили нужного эффекта, так как не были связаны с реальными интересами тех, кто должен был их реализовывать. Так же не давали эффекта иницилируемые партийным аппаратом идеологические кампании по поддержанию трудового энтузиазма. Последняя попытка придать ускорение социально-экономическому развитию, предпринятая в первый период Перестройки, была чистой импровизацией, не подготовленной в идейно-теоретическом отношении [Вдовин, 2022. С. 683]. Закончилось всё это распадом СССР, который был организован «во имя жизненных интересов советской партийно-хозяйственной номенклатуры, стремящейся закрепить свое место в новой элите, владеющей и распоряжающейся богатствами страны» [Вдовин, 2022. С. 685].

Оригинальные подходы к истории позднего СССР содержат работы А.В. Шубина, в период перестройки активного участника неформальных социально-политических движений левой направленности, а ныне сотрудника Института всеобщей истории РАН. Он видит главную причину экономических проблем позднего СССР в глубоком кризисе индустриальной модели, которую СССР переживал особенно остро из-за присущего ему крайнего этатизма. Сама по себе индустриально-этатистская модель экономики не была исключительной чертой ни СССР, ни даже стран социалистического лагеря. Похожие черты (индустриальное общество с сильным государственным регулированием) в середине XX в. можно было найти и в западных странах, где этот этап марксисты называли «государственно-монополистическим капитализмом» [Шубин, 2001. С. 102]. К индустриально-этатистским обществам Шубин относит США, Германию (не ясно, Третий Рейх или ФРГ). Отличием советской модели индустриального этатизма была крайняя степень этатизации и монополизации всех сфер жизни общества. «Общество строилось по образу и подобию фабрики с крайней степенью централизации управления в руках “менеджеров” — бюрократов» [Шубин, 2001. С. 103]. Разумеется, в полной мере притязания государства на полную управляемость общества из единого центра никогда не были реализованы. Более того, в позднем СССР такой цели уже реально не ставилось, поскольку она противоречила интересам различных слоев общества, и в том числе самой бюрократии. Но под её влиянием сформировалось специфическое общество, в котором были более сильно выражены такие черты, как монополизм, индустриализм и милитаризация. Для экономики же в ещё большей степени, чем в других странах индустриального этатизма, была характерна ориентация на крупномасштабные энергоёмкие технологии.

Как отмечает Шубин, «сверхмонополизм общественной структуры СССР делал её чрезвычайно хрупкой, но до известного предела вполне прочной» [Шубин, 2001. С. 104]. Система долгое время могла игнорировать или подавлять новые социальные явления, но в результате в обществе накапливалось напряжение. В конечном итоге это предопределило то, что кризис принял такую тяжёлую, разрушительную форму.

Существовавшая в СССР плановая система была ориентирована на крупномасштабные стандартизированные технологии и могла эффективно управлять только теми производствами, где такие технологии господствовали. На ранних этапах развития индустриальной экономики этого было вполне достаточно. Но по мере развития индустриальной цивилизации потребности усложнялись, причём это касалось одновременно и потребностей людей во всё более дифференцированном потреблении, и потребностей государства, особенно его вооружённых сил, которым требовалась всё более сложная и разнообразная военная техника.

В качестве примера Шубин приводит положение в сельском хозяйстве СССР. По ключевым показателям производства стандартной продукции, например, зерна, молока, мяса, оно не слишком сильно отставало от сельского хозяйства США, разрыв, как могло показаться, не носил качественный характер. Но при этом значительная часть сельхозпродукции терялась при хранении и переработке, и продовольственный дефицит оставался серьёзной проблемой, раздражавшей население, а руководство страны вынуждено было импортировать продовольствие.

Рубеж, на котором встала задача преодоления порога НТР, был достигнут советской экономикой в 1970-е гг. Но для дальнейшего развития требовалось распространить передовые технологии на более широкую производственную сферу, и, поскольку управлять этим переходом из единого центра было слишком сложно, нужна была децентрализация принятия решений и большая самостоятельность [Шубин, 2001. С. 110–111].

Проблема в том, что сложившийся баланс сил в управлении экономикой препятствовал этому переходу. Вслед за В. Найшулем Шубин считает, что реально в СССР господствовал «бюрократический рынок». Бюрократизация рынка, подчёркивает он, имела место во всех индустриально-экономических странах. Но в СССР она достигла наибольших масштабов, степень искажения рынка была сильнее, чем в других странах [Шубин, 2001. С. 105].

Сама по себе концепция «бюрократического рынка», на мой взгляд, отражает прежде всего особенности мышления экономистов, желающих всюду увидеть хорошо знакомую им модель, в данном случае рынок. Но этот подход может быть полезен и плодотворен, если понимать, что термин «рынок» здесь уместен как метафора, обращающая наше внимание на господствующие в реальной системе управления практики и истинные интересы бюрократии как социального слоя.

Концепция «бюрократического рынка» предполагает, что реальное управление экономикой было построено не по иерархичному принципу, а вместо управления командами требовало управления через согласования. Как утверждал создатель этой концепции В. Найшуль¹: «Советский бюрократический рынок устойчиво гасит действия даже таких крупных диллеров, как ЦК КПСС и Совет министров СССР» [Найшуль, 1991. С. 30]. Бюрократическому рынку, как и всякому рынку, была свойственна определённая доля анархии, что вело к накоплению противоречий между участниками. Бюрократический рынок противостоял любым попыткам реорганизации управления, что объясняется как консервативной природой бюрократии, так и её объективной заинтересованностью в сохранении сложившегося распределения сил. В силу этого никакое постепенное реформирование системы было невозможно, так как «бюрократический рынок» сможет загасить любую такую реформу. Масштабное же реформирование без создания альтернативной экономической и социальной инфраструктуры привело бы просто к экономическому краху и последующему восстановлению «бюрократического рынка» [Шубин, 2001. С. 107].

В силу этих соображений Шубин критически оценивает и Косыгинскую реформу, и попытку реформировать управление экономикой, предпринятую в 1979 г. Последнюю, в отличие от А.И. Вдовина, он считает попыткой продолжения Косыгинской реформы, с заменой прибыли на её аналог в виде «нормативно чистой продукции». Её неудачный результат был так же предопределён, как и у реформы 1965 г.: монополисты-производители стали навязывать потребителям более дорогую продукцию, а дешёвые товары стали дефицитом. По мнению Шубина, «попытки привить сверхмонополизированной экономике элементы свободного рынка лишь обостряли социально-экономический кризис» [Шубин, 2001. С. 121]. Суррогаты классического западного рынка, которые пытались внедрить руко-

¹ У концепции бюрократического (административного) рынка много «отцов — основателей». См. например: Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. — 2-е изд. — М.: ОГИ, 2006. *Understanding Street-Level Bureaucracy* / Edited by P. Hupe, M. Hill, A. Buffat. — Bristol University Press, 2015. — *Прим. ред.*

водство страны, называя это «хозрасчётом», не могли дать ожидаемых от них результатов, поскольку отечественный рынок работал по иным законам, чем западный.

«Бюрократический рынок» в первую очередь заинтересован в стабильности, и снижение темпов роста в принципе отвечало этим интересам. Но, вместе с тем, поскольку рост экономики не прекратился, то, очевидно, в рамках «бюрократического рынка» существовали и силы, заинтересованные в продолжении экономического роста. С одной стороны, это было стремление высшего руководства ускорить развитие страны через инструменты планирования. С другой, каждый представитель бюрократии был заинтересован в расширении порученного ему управлению объекта, так как это означало повышение его статуса внутри бюрократической системы. Это вызывало у него стремление «выбивать» для порученного ему предприятия как можно больше инвестиций. Этот процесс приводил к экономическому росту, но получающийся в его результате рост носил чисто экстенсивный характер. И в 1970-е гг. Советский Союз столкнулся с пределами роста.

Это столкновение нашло выражение и в нарастании экологических проблем, и в исчерпанности демографического потенциала. Особенно сильно оно проявилось в сырьевом секторе, где истощение месторождений вело к необходимости разрабатывать новые, где добыча велась в более сложных условиях. Это требовало всё больше и больше капитальных вложений, что отвлекало их от модернизации экономики. В итоге расширение сырьевой базы советской экономики стало поглощать уже такие объемы инвестиций, что оставшиеся объемы уже не могли покрыть потребности в амортизации капитала. «Промышленность продолжала расти вширь, хотя её оборудование трещало по швам» [Шубин, 2001. С. 116].

Шубин обращает внимание на нарастающие противоречия внутри правящего слоя. В нём обостряется борьба между «ведомственными» и «местническими» группами. Новым явлением, проявившимся в конце 1970-х гг., стал переход директорского корпуса на сторону последних, что нарушало сложившийся ранее баланс сил [Шубин, 2001. С. 120]. Эта борьба сыграла свою роль и в возвышении М.С. Горбачева, и в формировании основ его политики Перестройки [Шубин, 2001. С. 325–326]. Горбачев, пользуясь поддержкой «местнических» группировок, развернул борьбу против «ведомственных», чем окончательно нарушил хрупкую социально-политическую стабильность.

Таким образом, экономические проблемы порождали социальную напряжённость и сочетались с экологическим, демографическим, социально-психологическим кризисами, кризисом национальных отношений. Крах «хрупкой сверхмонополизированной индустриально-этатистской системы» в этих условиях выглядел, по мнению Шубина, неизбежностью.

Историк Ю.П. Бокарев (Институт экономики РАН) в своей книге «СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970-1980-е годы» ставит в центр внимания вопрос о несостоявшейся постиндустриальной модернизации СССР. По его мнению, для её проведения имелся ряд условий, в том числе хорошо финансируемая наука, имеющая многочисленные квалифицированные кадры ученых. Но в целом сама возможность перехода СССР к постиндустриальному обществу была лишь потенциальной, но не реальной [Бокарев, 2007. С. 131].

Происходившие в западных странах процессы перехода к постиндустриальному обществу были своевременно замечены [Бокарев, 2007. С. 115]. Более того, в СССР появилась собственная концепция научно-технической революции (НТР). Эта концепция была в целом воспринята партийно-государственным руководством, а понятие «научно-технической революции» даже вошло в принятую в 1961 г. новую программу КПСС. Вместе с тем задачи НТР виделись её советским теоретикам в русле индустриального общества, а постиндустриальная часть этой проблематики, в том числе социальная, отбрасывалась. Более того, на практике разговоры об НТР до конца 1960-х гг. так и не перешли в плоскость конкретных решений, оставаясь декларативными заявлениями. В целом советская теория

НТР, неся на себе груз ошибочных концепций марксизма-ленинизма, была на деле одним из главных препятствий на пути реализации перехода СССР к постиндустриальному обществу. Другими препятствиями были низкий образовательный уровень советской элиты (здесь, представляется, автор перегибает палку, выставляя в качестве правила отдельные примеры биографий) и отсутствие интеллектуальной свободы в изучении происходящих в обществе процессов.

Ещё одним препятствием была организация науки, построенная на иерархических принципах. Высшее положение в ней занимали академические институты, а ведомственные институты «являлись пасынками научной системы СССР» [Бокарев, 2007. С. 132]. В то же время на Западе учёные в основном концентрировались в ВУЗах и научных подразделениях частных фирм. Такая организация советской науки способствовала углублению разрыва между наукой и производственной практикой. Несмотря на отдельные успехи, неэффективными формами оказались созданные в попытках ускорить НТР научно-производственные объединения и межотраслевые научно-технические комплексы. Те и другие оказались слишком оторванными от промышленности. Их разработки игнорировали реальные условия работы советских заводов и фабрик, что препятствовало внедрению их инноваций [Бокарев, 2007. С. 140]. Что же касается ВУЗов, то они продолжали воспроизводить старую, сложившуюся в индустриальную эпоху модель подготовки кадров, а к требованиям постиндустриальной эпохи не были готовы [Бокарев, 2007. С. 145]. Образование было слишком широкопрофильным, с поздней и неглубокой специализацией. Уже получивших дипломы специалистов требовалось доучивать непосредственно на производстве. Среди выпускников была низка доля специалистов новых, перспективных профессий. ВУЗы находились под влиянием предприятий, которые заключали с ними договоры на подготовку специалистов, и это мешало увеличить подготовку по новым специальностям, таким как специалисты по автоматизации.

В этой части своего исследования Ю.П. Бокарев видит ситуацию в слишком чёрном цвете. К явным ошибкам относится его преувеличение роли академических институтов (которые действительно были оторваны от реальных проблем экономики) по сравнению с отраслевой наукой. Между тем именно отраслевые НИИ были основой советской науки, значительно превосходя академические институты и численностью, и совокупным финансированием. Другое дело, что лучшие силы сосредоточивались в НИИ, работавших в области военной промышленности.

Способность СССР внедрять передовые технологии снижалась из-за отсутствия конкуренции между производителями и, как следствие, их заинтересованности в замене оборудования. Эти системные дефекты усугублялись ошибочной промышленной политикой. Негативную роль сыграли установленные в СССР нормы амортизации, не учитывавшие морального устаревания оборудования и требовавшие списывать его не ранее, чем через 13 лет после начала эксплуатации [Бокарев, 2007. С. 171]. Это выглядит особенно контрастно на фоне вводимых в то время в развитых капиталистических странах налоговых льгот, поощрявших ускоренное списание устаревшей техники. Например, в США такие льготы давались при замене оборудования, проработавшего пять лет. В итоге в советской промышленности нарастала доля не только морально устаревшего, но и просто физически изношенного оборудования. По мнению Бокарева, применение новой, более совершенной техники в советских условиях хозяйствования было часто невыгодно. Себестоимость производства новой техники часто оказывалась очень высокой, а период производства — слишком коротким для того, чтобы её разработка и освоение окупились. В то же время высокие цены на новое оборудование делали экономически невыгодным его использование.

Экономический эффект от внедрения новой техники был низким. Предприятия, внедрявшие новые технологии, оказывались в худшем экономическом положении, чем продолжавшие производить старую продукцию. В целом по промышленности внедрение

новых технологий окупалось за 2-3, вложения в механизацию производства — за 40–45, автоматизация — за 6–10 лет. В то же время в западных странах механизация и автоматизация производства окупались за 2,5-3 года. Низкая окупаемость расходов на автоматизацию и механизацию препятствовала её внедрению в СССР. Бокарев отвергает предположение, что медленное внедрение автоматизации и механизации было связано с проводимой политикой полной занятости. Главным фактором он считает низкую стоимость квалифицированной рабочей силы в СССР, делавшую автоматизацию невыгодной [Бокарев, 2007. С. 183], что сочеталось с нехваткой «высококвалифицированных и узкопрофессиональных кадров», способных участвовать в реализации таких проектов. Что касается потенциальной безработицы, то риск её роста из-за автоматизации отсутствовал, поскольку, по подсчетам Бокарева, масштабные вложения в автоматизацию вели не к сокращению, а к росту занятости [Бокарев, 2007. С. 187]. Сокращение же рабочей силы происходило только при реализации небольших проектов (стоимостью не более 4 тыс. рублей).

Развитие советской электронно-вычислительной техники на начальном этапе было успешным, и часто вспоминаемая идеологическая кампания «борьбы с кибернетикой» не оказала на него негативного влияния. Важным просчетом была недооценка микропроцессорной технологии. К тому моменту, когда в СССР поняли её важность, и особенно важность персональных ЭВМ, создать равные западным по производительности микропроцессоры уже было невозможно [Бокарев, 2007. С. 153]. СССР был вынужден прибегнуть к массовому импорту микропроцессорной техники, а собственные изделия не пользовались популярностью у потребителей.

Что касается проектов создания автоматических систем управления (АСУ), то, несмотря на значительный прогресс в их создании, их влияние на экономику оставалось незначительным [Бокарев, 2007. С. 160]. Внедрение АСУ было вызвано не экономической заинтересованностью хозяйствующих субъектов, а давлением со стороны вышестоящих органов управления. Когда это давление ослабло, то многие уже реализованные системы были ликвидированы, а темпы внедрения новых АСУ существенно снизились. Что же касается широко известного проекта В.М. Глушкова по созданию Единой государственной сети вычислительных центров, то он, вероятнее всего, мог бы помочь найти пути оптимального развития народного хозяйства СССР. Но, как представляется Бокареву, противоречия между существовавшим стилем руководства, практикуемым полуобразованной партократией, и требованиями к качеству управления, предъявляемыми проектом Глушкова, были непреодолимым препятствием для его реализации [Бокарев, 2007. С. 167].

Заслуживают внимания размышления Ю.П. Бокарева о соответствии тех целей, которые стояли перед советской экономикой в условиях научно-технической революции, и имевшихся представлений об экономических реформах. Представляется очень ценным его наблюдение о корнях появившейся в Восточной Европе концепции «рыночного социализма», оказавшей большое влияние на взгляды советских сторонников экономических реформ. По его мнению, «несмотря на всю прогрессистскую риторику реформаторов, их идеал находился не в будущем, а в прошлом» [Бокарев, 2007. С. 220]. Они не могли и не хотели решать проблемы научно-технического развития в рамках своих стран, а лишь стремились приблизить их экономику к тому состоянию, в котором она была в межвоенный период. Таким образом, доктрина «рыночного социализма» создавала ложную альтернативу советской социально-экономической модели. Её реализация в странах Восточной Европы не привела к ускорению их экономического развития, что, в частности, хорошо видно на фоне относительных успехов экономики ГДР, где эту доктрину реализовывать не пытались.

Но руководство СССР находилось в руках недостаточно образованных и узко мыслящих людей, которые не понимали всей сложности реформирования народного хозяйства и мыслили в стиле жёсткого дуализма (либо централизация, либо децентрализация, либо

плановое хозяйство, либо социалистический рынок). Такое руководство было неспособно выдвинуть собственную программу реформ и неизбежно «подпадало под влияние различных политических сил» [Бокарев, 2007. С. 227]. В результате были предприняты попытки проведения реформ, которые, с одной стороны, привели к тому, что советское общество потеряло устойчивость и ориентиры. С другой же стороны, они не дали ожидаемого экономического эффекта, в том числе потому, что вопрос об эффективности управления (и эффективности тех, кто это управление осуществляет) был подменен вопросом об эффективности тех или иных методов управления, исходя из ложного предположения, что, если кто-то неэффективно использует командные методы, он сможет эффективно использовать экономические [Бокарев, 2007. С. 237]. В результате этой подмены реформа потеряла связь с научно-техническим прогрессом.

Крайне опасной тенденцией было наметившееся расхождение между научно-техническим прогрессом и не только практикой реформ, но и экономической теорией. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, в которой экономисты-реформаторы не просто отдалялись от НТР, но и занимали фактически враждебные ей позиции. В качестве примера Бокарев приводит статью известного советского экономиста А.М. Бирмана «Наука управлять». Бокарев критикует предложенное Бирманом искусственное разделение научного управления экономикой на два направления, одному из которых он приписал удобные для критики взгляды. Экономисты стали всё больше уделять внимание фактору личной заинтересованности, игнорируя технократические управленческие решения, в том числе те, которые реально были доступны для применения внутри советской экономики и могли быть использованы в том числе для эффективного применения методов, использующих фактор личной заинтересованности. Получалось, что в СССР, по используемой Бирманом и Бокаревым метафоре, строили телескопы, но не готовили для них астрономов [Бокарев, 2007. С. 242].

Важнейшим фактором, по мнению Бокарева, был начавшийся благодаря развитию постиндустриальной экономики процесс глобализации. Этот процесс не оставлял советской социалистической системе шансов на выживание, так как по своим возможностям глобальная экономика превосходила любую национальную экономику, а подключиться к ней можно было, только принимая её правила игры [Бокарев, 2007. С. 376]. Безнадёжное положение СССР усугубляли меры экономической войны, предпринимаемые против него США, такие как ограничения по торговле передовыми технологиями и манипулирование нефтяным рынком. СССР так и не стал страной, экспортирующей новые технологии и высокотехнологичную продукцию. Он вынужден был выходить на мировой рынок в основном с сырьевыми товарами, но и за них он не всегда мог получить достойную цену.

Что касается СЭВ, то Бокарев не видел в нём жизнеспособной альтернативы глобализации. Взаимодействие стран СЭВ между собой было затруднено. Страны СЭВ стремились к созданию «самодостаточных» экономик, считалось, что в каждой стране должны развиваться все индустриальные отрасли. Экономическую интеграцию с СССР в странах СЭВ понимали прежде всего как поставки из СССР дешёвого сырья. В странах СЭВ был избыточный параллелизм производства, которое часто было малоэффективным из-за ограниченного рынка сбыта. В рамках СЭВ не удавалось согласовать замыслы по страновой специализации и кооперации с принятыми на национальном уровне планами экономического развития и существующими внутри национальных экономик системами цен. Признанием провала интеграционной политики Бокарев считает принятие в 1970 г. решения ориентироваться на цены капиталистического рынка, усреднённые за 5 лет [Бокарев, 2007. С. 333].

В целом исследование Бокарева содержит ряд нетривиальных идей и интересных подходов к советским экономическим проблемам. Особенно важно то, что он обращает внимание на мировой контекст экономических проблем СССР: начало глобализации

и переход развитых стран к постиндустриальной экономике. Заслуживают интереса и его замечания о когнитивных провалах как правящей, так и научной элиты СССР, которые оказались заложниками ошибочных идеологических и теоретических принципов, в том числе и в области экономической теории.

Проблеме успехов и провалов СЭВ посвящен ряд работ историка М.А. Липкина (с 2016 г. директор Института всеобщей истории РАН). Хотя он даёт в них скорее положительную, чем отрицательную оценку деятельности СЭВ и не уделяет большого внимания влиянию СЭВ на экономику СССР, его материалы дают возможность по-новому взглянуть на внешнеэкономические перспективы СССР и возможность альтернативной социалистической глобализации. Увлеченный своим предметом, Липкин полагает, что СЭВ был хотя бы на определённом этапе глобальной альтернативой капиталистическому развитию [Липкин, 2019. С. 76], но в то же время видит ряд серьёзных проблем, затруднявших социалистическую интеграцию, признавая, что СЭВ так и не смог реализоваться как потенциальная альтернатива [Липкин, 2019. С. 174].

Самым интересным наблюдением Липкина стал сделанный на основе целого ряда фактов вывод о том, что СССР был не способен навязывать другим странам СЭВ какую-либо стратегическую линию в проведении экономической политики. Взаимодействуя с этими странами в рамках СЭВ, он постоянно сталкивался с их нежеланием поступаться своим суверенитетом и постоянно вынужден был идти на уступки и компромиссы [Липкин, 2019. С. 171]. С точки зрения Липкина, это было свидетельством внутренней демократичности СЭВ, в том числе в сравнении со значительно более жёстким ЕЭС. Но эта демократичность фактически становилась препятствием для экономической интеграции.

Хуже того, СЭВ в некоторых случаях становился не инструментом облегчения экономической интеграции, а препятствием на её пути. Необходимость единогласного одобрения проектов всеми членами СЭВ давала инструмент в руки стран, желающих затормозить его деятельность. Такие страны опасались, что усиление влияния СССР приведёт к тому, что он начнет диктовать им свою волю вопреки их экономическим интересам. Особенно это было характерно для политики Румынии при Н. Чаушеску. Причины такой позиции румынского руководства были как экономически, так и политически обусловленными. Чаушеску хотел получать как можно больше экономической помощи от СЭВ для развития своей страны, не беря при этом на себя никаких обязательств [Гладышева, Липкин, 2019. С. 151]. Одновременно он хотел сохранить доступ к западным инвестициям и технологиям. Поэтому он опасался, что интеграция в рамках СЭВ приведет к прямому взаимодействию по экономическим вопросам между СЭВ и ЕС. Наконец, румынский лидер хотел, как минимум, сохранить для себя возможность играть на противоречиях в условиях конфликта СССР и Китая, а, возможно, просто действовал в интересах последнего [Гладышева, Липкин, С. 182]. В любом случае, его позиция оказалась для судьбы СЭВ роковой, потенциальная возможность перехода к экономической интеграции между социалистическими странами была упущена.

СССР вынужден был пытаться продвигать в отношениях СЭВ так называемый «принцип взаимной заинтересованности», предполагавший возможность реализации в рамках СЭВ отдельных проектов без учёта мнения не желающих участвовать в них стран. Только в 1979 г. СССР удалось преодолеть сопротивление внутри СЭВ и утвердить этот новый принцип в уставе СЭВ [Липкин, 2019. С. 174]. Другой острой проблемой было отсутствие объективной оценки стоимости товаров, продаваемых членами СЭВ друг другу, что порождало многочисленные споры и тормозило специализацию. В конце концов было решено ориентироваться на ценовые пропорции, существующие в развитых капиталистических странах, что само по себе ставило под сомнение самостоятельность СЭВ как экономической структуры.

Безусловно, в отдельные периоды те или иные страны СЭВ предпринимали шаги в сторону усиления экономической интеграции, поскольку понимали, что в рамках наци-

ональной экономики не могут более развиваться. Например, такие предложения неоднократно выдвигались Польшей и Венгрией в 1960-е гг. Но СССР по ряду причин, в том числе из-за вышеупомянутой специфики внутреннего устройства СЭВ, не мог в должной мере ответить на эти тенденции. В результате Польша в следующем десятилетии пошла по пути интеграции в мировой рынок, который первоначально был успешным, но в начале 1980-х гг. привел к глубокому экономическому кризису, подорвавшему стабильность режима и показавшему слабость всего восточноевропейского блока.

Будучи лидером СЭВ, СССР, как показывает Липкин, сам находился под действием принципа «ограниченного суверенитета» не в меньшей степени, чем другие страны СЭВ: «СССР был вынужден жертвовать не только своими ресурсами, но и отдавать часть своей самостоятельности ради глобального лидерства в экономической, идеологической и политической областях» [Липкин, 2019. С. 172]. Представляется, что влияние ситуации, сложившейся в СЭВ, на экономическое и политическое положение СССР следует ещё долго и внимательно изучать. Но пока представляется обоснованным вывод Липкина о том, что пока СЭВ оставался в восприятии политического и экономического руководства как жизнеспособная альтернативная интеграционная модель, которую можно распространить и на другие социалистические и даже развивающиеся страны, то организация имела шансы на успех. «Но как только эта вера стала иссякать, никакие цифры не были способны вернуть коллективный интерес к участию в ней» [Липкин, 2019. С. 173].

Если вслед за Липкиным рассматривать СЭВ как альтернативный проект социалистической глобализации, то неудача в реализации этой альтернативы означала, что СССР лишился экономических выгод, которые могла ему дать интеграция с обладавшими относительно развитой промышленностью восточноевропейскими странами. Эти упущенные выгоды могли бы быть большими, если бы к системе СЭВ удалось подключить более широкий круг стран, и серьёзная тенденция к такому расширению имела [Липкин, 2019. С. 130]. В последнем случае выгода включала бы в себя не только эффект от возрастания специализации и углубления кооперации, но и возможности преодоления дефицита рабочей силы за счет размещения в этих странах трудоёмких производств, и способ преодоления дефицита природных ресурсов. Неудача СЭВ как альтернативного проекта интеграции означала, что социалистическим странам, в том числе СССР, оставалось только ориентироваться на идущие в капиталистических странах интеграционные экономические процессы, что означало в конечном итоге подчинение их условиям.

Современные историки начинают уделять больше внимания влиянию на экономику социальной политики СССР. Социальная среда, в которой вели свою деятельность советские предприятия, несомненно, оказывала на них огромное влияние, и это влияние нуждается в подробном и вдумчивом изучении. Специфический характер этой среды делает это изучение крайне сложным, в том числе и потому, что оно упирается в вопрос о степени применимости к этой среде теоретических моделей, созданных для изучения других сообществ. В исследовании социальной политики СССР 1950–1970-х гг. Г.М. Ивановой делается вывод, что по отношению к ней можно использовать термин «государство всеобщего благосостояния». Этот термин указывает на модель, прилагаемую обычно к развитым западным странам второй половины XX в. Несомненно, СССР имел с ними сходство в том отношении, что «советское государство принимало на себя ответственность за обеспечение основных социальных потребностей граждан» [Иванова, 2010. С. 173], и это движение было вызвано усложнением общества, ростом разнообразных рисков. Но различий при более детальном изучении советской модели обнаруживается не меньше, чем сходства. По-видимому, Иванова в своём исследовании даже недооценила некоторые из них, особенно то, что социальная инфраструктура существовала во многом за счёт непосредственной поддержки со стороны предприятий. Важность этой проблемы подчеркивает финальный вывод Ивановой: «При весьма ограниченных возможностях советской эконо-

мики, низкой эффективности общественного производства, такая социальная политика, с одной стороны, могла обеспечить основной массе населения всего лишь очень скромный уровень социальной поддержки, а с другой стороны, являлась непосильной ношей для государства» [Иванова, 2010. С. 276].

Более глубоко эту проблему проанализировал историк левых взглядов М. Лебский в своем исследовании «Рабочий класс в СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма». Свой анализ он начинает с того, как формировалась специфическая социальная среда вокруг советских предприятий. Характерное для СССР вовлечение хозяйственных единиц в создание и развитие социальной инфраструктуры, по мнению Лебского, объясняется как идеологическими, так и экономическими причинами, в первую очередь прагматическими соображениями бюрократии, стремящейся привязать рабочих к своим предприятиям, ограничив текучесть рабочей силы [Лебский, 2021. С. 56–57]. С другой стороны, шел процесс нарастания независимости бюрократии от центра, формирования внутри неё многочисленных групп влияния, способных противостоять центру. Система промышленного патернализма стала той сферой, где совпали интересы этих групп и разделённого на трудовые коллективы советского рабочего класса.

Система промышленного патернализма оказала огромное влияние на ход косыгинской реформы, поскольку предоставленные ею возможности вопреки декларируемым целям реформ предприятия использовали в первую очередь для наращивания вложений в собственную социальную инфраструктуру. Ресурсы, которые можно было использовать для вложения в потенциально прорывные отрасли экономики, расплылись, создавая множество объектов долгостроя [Лебский, 2021. С. 193]. Поскольку это угрожало дестабилизировать экономическую систему СССР, отступление от ключевых позиций реформ, в первую очередь, ограничение прав предприятий распоряжаться частью своей прибыли, было необходимо для предотвращения экономического краха. Похожая ситуация возникла впоследствии в период Перестройки. Но на этот раз не нашлось сил, способных затормозить реформу, и она погубила экономику СССР.

Социальные проблемы накладывались на изменения в идеологической сфере: переход от риторики решительной борьбы с капиталистической системой к концепции мирного соревнования двух систем за то, какая из них создаст лучшие условия для жизни людей. В этой борьбе СССР не мог выиграть, она ориентировала его на такой уровень индивидуального потребления, который угрожал экономике глубоким дисбалансом, но в то же время на практике терял способность добиваться реального роста материального благосостояния [Лебский, 2021. С. 208–209].

Более глубокие причины произошедшего Лебский видит в непонимании советским руководством различий между индивидуальными, групповыми и общественными интересами. Ориентируясь на коллективизм как одну из главных идеологических основ общества, оно не хотело учитывать, что групповые интересы, в том числе интересы трудовых коллективов, могут противостоять общественным [Лебский, 2021. С. 187]. Также его ошибкой были завышенные надежды и ожидания: ставилась задача строительства коммунистического общества, хотя реально так и не была завершена задача завершения индустриализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсенков А.С. (2002). Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг.: Курс лекций — М.: Аспект Пресс.
- Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. (2010). Перестройка и крах СССР. 1985–1993. — СПб.: Норма.
- Безбородов А.Б., Дробижева Л.М., Елисеева Н.В. и др. (2007). Отечественная история России новейшего времени. 1985–2005 гг. — М.: РГГУ.
- Бокарев Ю.П. (2007). СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970-е – 1980-е гг. — М.: Наука.
- Быстрова И.В. (2006). Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е гг.). — М.: ИРИ РАН.
- Вдовин А.И. (2022). СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). — М.: РГ-Пресс.
- Ермолов А.Ю. (2020). Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР (Ч. 1) // Вопросы теоретической экономики. №4. С. 126–140.
- Ермолов А.Ю. (2021). Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР (Ч.2) // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 94–111.
- Иванова Г.М. (2010). На пороге «государства всеобщего благосостояния»: Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х гг.). — М.: ИРИ РАН.
- Лебский М. (2021). Рабочий класс СССР: Жизнь в условиях промышленного патернализма. — М.: Издательство «Горизонталь».
- Липкин М.А. (2019). Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства. — М.: Весь мир.
- Липкин М.А., Гладышева А.С. (2019) Семеро против одного? Принятие комплексной программы социалистической экономической интеграции и «особая» позиция Румынии// «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х — середине 1970-х годов / Отв. ред. М.А. Липкин. — М.: Весь мир. С. 148–182.
- Найшуль В. (1991). Высшая и последняя стадия социализма. Погружение в трясину. — М.: Прогресс.
- Симонов Н.С. (1996). Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. — М.:РОССПЭН.
- Шубин А.В. (2001). От застоя к реформам. СССР в 1917–1985 гг. — М.: РОССПЭН.

Ермолов Арсений Юрьевич

fhctybq@mail.ru

Arseniy Ermolov

Ph.D. (History), Senior Researcher at the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

fhctybq@mail.ru

**THE VIEWS OF MODERN RUSSIAN SCIENTISTS
ON THE ECONOMIC PROBLEMS OF THE LATE USSR**

Abstract. In this report, the author describes the views of modern Russian historians and economists on the economic problems of the late USSR. Like modern foreign researchers, Russian scientists have proposed a number of their own interpretations of the economic problems of the late USSR, which in some ways overlap, and in some ways contradict each other. All this is influenced by memories of their own involvement in the events of the past or by the trauma of the collapse of the USSR, or unexpected for many political and economic transformations, which has not been cured in Soviet generations. In the latter case, scientific works can serve not only the search for truth, but also self-justification. Many authors have a strongly expressed ideological position that clearly affects their research. Nevertheless, useful ideas can be found in every study. Their study helps to identify “cognitive structures” that form explanations of past events. The first part of the article examines the views of historians, primarily those who study the so-called «modern history».

Keywords: *Economic history of the USSR, collapse of the USSR, planned economy, socialism, market reforms, institutions, elites, bureaucracy.*

JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

REFERENCES

- Barsenkov A.S. (2002). *Vvedeniye v sovremennuyu rossiyskiyu istoriyu 1985–1991 gg.: Kurs lektsiy* [Introduction to Modern Russian History 1985–1991: A Course of Lectures]. — M.: Aspekt Press. (In Russ.).
- Bezborodov A., Yeliseyeva N., Shestakov V. (2010). *Perestroyka i krakh SSSR. 1985–1993* [Perestroika and the collapse of the USSR. 1985–1993]. — SPb.: Norma. (In Russ.).
- Bezborodov A.B., Drobizheva L.M., Yeliseyeva N.V. i dr. (2007). *Otechestvennaya istoriya Rossii noveyshego vremeni 1985–2005 gg.* [The domestic history of Russia of modern times. 1985–2005]. — M.: RGGU. (In Russ.).
- Bokarev Yu.P. (2007). *SSSR i stanovleniye postindustrial'nogo obshchestva na Zapade, 1970–1980-ye gg.* [The USSR and the formation of post-industrial society in the West, 1970–1980s]. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Bystrova I.V. (2006). *Sovetskiy voyenno-promyshlennyy kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-ye gg.)* [The Soviet Military-industrial complex: Problems of formation and development (1930–1980s)]. — M.: IRI RAN. (In Russ.).
- Ivanova G.M. (2010). *Na poroge «gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya»: Sotsial'naya politika v SSSR (seredina 1950-kh — nachalo 1970-kh gg.)* [On the threshold of the «welfare state»: Social policy in the USSR (mid-1950s — early 1970s)]. — M.: IRI RAN. (In Russ.).
- Lebskiy M. (2021). *Rabochiy klass SSSR: Zhizn' v usloviyakh promyshlennogo paternalizma* [The Working class of the USSR: Life in the conditions of industrial paternalism]. — M.: Izdatel'stvo «Gorizontal'». (In Russ.).
- Lipkin M.A. (2019). *Sovet Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi: istoricheskiy opyt al'ternativnogo global'nogo miroustroystva* [The Council of Mutual Economic Assistance: the historical experience of an alternative global world order]. — M.: Ves' mir. (In Russ.).
- Lipkin M.A., Gladysheva A.S. (2019) *Semero protiv odnogo? Prinyatiye kompleksnoy programmy sotsialisticheskoy ekonomicheskoy integratsii i «osobaya» pozitsiya Rumynii* [Seven against one? The adoption of a comprehensive program of socialist economic integration and Romania's «special» position] // «Mirovaya sistema sotsializma» i global'naya ekonomika v seredine 1950-kh – seredine 1970-kh gg. / Otv. red. M.A. Lipkin [The World System of Socialism and the Global Economy in the Mid-1950s — Mid-1970s / Ed. M.A.Lipkin]. — M.: Ves' mir. Pp. 148-182. (In Russ.).
- Nayshul' V. (1991). *Vysshaya i poslednyaya stadiya sotsializma. Pogruzheniye v tryasinu* [The highest and last stage of socialism. Immersion in the quagmire]. — M.: Progress. (In Russ.).
- Simonov N.S. (1996). *Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-ye gg.* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920–1950s.]. — M.: ROSSPEN. (In Russ.).
- Shubin A.V. (2001). *Ot zastoya k reformam. SSSR v 1917–1985 gg.* [From stagnation to reform. USSR in 1917–1985]. — M.: ROSSPEN. (In Russ.).
- Vdovin A.I. (2022). *SSSR. Istoriya velikoy derzhavy (1922–1991 gg.)* [USSR. The History of the Great Power (1922–1991)]. — M.: RG-Press. (In Russ.).
- Yermolov A.Yu. (2020). *Vzglyady sovremennykh zarubezhnykh uchenykh na ekonomicheskiye problemy pozdnego SSSR (Ch. 1)* [Views of modern foreign scientists on the economic problems of the late USSR. Part 1] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 126–140. (In Russ.).
- Yermolov A.Yu. (2021). *Vzglyady sovremennykh zarubezhnykh uchenykh na ekonomicheskiye problemy pozdnego SSSR (Ch. 2)* [Views of modern foreign scientists on the economic problems of the late USSR, Part 2] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 94–111. (In Russ.).